

О КУЛЬТЕ МЕДВЕДЯ У ТОФАЛАРОВ

В. И. Рассадин

Аннотация: В статье анализируются особенности названия медведя в тофаларском языке, делаются параллели с языками народов Севера, делается вывод о древнем культе медведя в культуре тофалар.

Ключевые слова: тофалары, тофаларский язык, медведь, культ медведя, традиции охоты.

В процессе занятий тофаларским языком, в частности его лексикой, наше внимание привлек очень любопытный факт, весьма редкий для тюркских языков, а именно: в тофаларском языке не оказалось общетюркского названия для медведя — *адыг*, которое мы находим у тувинцев — самых близких тофаларам тюрков. Тув. *адыг* «медведь» в соответствующих фонетических оформлениях имеется почти у всех тюрков, например: др.-тюрк. *adiy*, хак. (диал.) *азыг*, алт. *айу*, каз. *аю*, кирг. *аюу*, туркм. *айы*, турецк. *айы*, уйг. *ейик*, тат. *аю*, башк. *айыу*, кумык. *аюв* (Щербак, 1961: 130–131).

Вместо этого в тофаларском языке оказалась масса специфических и иносказательных слов для названия самца и самки медведя, например: *иресаң* — общее название медведя, букв. «зверь–предок», ире «прадед» — о самце медведя, энэ «прабабка» — о самке медведя, иърһек «самец медведя и соболя», ээш «самка медведя и соболя», *чер өглүг аң* «зверь с земляным домом», *чоорһанныг аң* «зверь с меховым одеялом», *неңес сыстықтыг аң* «зверь с мховой подушкой», *қузуқтаар аң* «шишкующий зверь», *қаттаар аң* «зверь, собирающий ягоды», *қара дүктүг аң* «зверь с черной шерстью» и др.

Даже части тела медведя, как оказалось, тоже имеют особые, зачастую описательные названия, например: мясо медведя — *қызар* «краснеющее», внутреннее сало медведя — *қаһһярар* «белеющее», голова — *чутьук*

учу «конец колоды, бревна», ухо — *буьтуқ дөзү* «сучок» или *шымыраш*, глаза — *элеңнәәш* «мелькашки», фаланги пальцев — *мүдүргүш* «спотыкашки», ребро — *чечак* (вместо *ээгі*), нос — *чыттаа* «нюхалка», сердце медведя — *дiсiләәш* (вместо *чүрек*) и др. Имеются и другие слова, связанные с медвежьим культом. Мы уже высказывали предположение, что это эвфемизмы, возникшие в свое время под влиянием табу как следствие особого отношения к медведю, к его почитанию (Рассадин, 1971: 141, 143–144).

Фраза «у тофаларов сохранились и пережитки культа медведя», оброненная Н. П. Дыренковой в ее статье о тофаларском языке (Дыренкова, 1963: 7), а также краткий текст на тофаларском языке о том, как добывают медведя и как хоронят затем на дереве его череп (там же: 21–22), весьма нас заинтересовали. Поэтому, собирая среди тофаларов языковой материал, мы старались при случае записывать также все, что касается культа медведя, не забывая, разумеется, при этом и о других фактах их материальной и духовной культуры.

Ниже мы приводим обряды, связанные с добыванием медведя, как их нам удалось записать у стариков. Эти обряды соблюдались в прошлом при кочевой жизни только при добывании медведя на берлоге.

Осенью, обычно во время белкования, охотники ищут берлогу. Это называется *бедiктәэр* «ходить по горе». Когда найдут, что называется *сөлтөңнәэр* «выжить из ума от старости», то сообщают об этом другим охотникам. Окончив белковать, где-то в конце ноября или начале декабря, собиралась артель из 5–6 человек (по утверждению тофаларских стариков, раньше на берлогу вдвоем или втроем не ходили по причине плохого оружия). Собирать эту артель называется *булут тыьрттар* «стягивать облака». Затем артель шла в то место, где была обнаружена берлога. Там пускали собаку (ее называли здесь уже словом *қудуруқтуғ* «волк», букв. «хвостатый»), которая быстро находила лежку медведя.

Найдя берлогу, охотники делали особую затычку сырмыт из трех толстых жердей, засунутых в лаз берлоги, и концы которых, расходящиеся веером, привязывали к деревьям. Если рядом не было деревьев, то обходились и без сырмыта. Затем засовывали в берлогу жердь и шуровали ею, поднимая зверя. Когда медведь разбужен, то наиболее опытный охотник подходил ближе к лазу и стрелял в берлогу. Стрелять в медведя уже называется не *боолаар*, а *дагжадыр* «прогреметь» (о звуке выстрела).

Когда медведь убит, все участники охоты должны были кричать: «Ки-ик! Ки-ик! Ки-ик!»

Самый старый из артели читал молитву:

Чер өглүг, неңгес сыстықтыг,

Көһтүрүп увас, көрүп танывас

Чүмесин аэтқан блаа даг һаэрһаннар,

Чер өглүг чүмесин аэтып берген.

(«Милостивые боги-горы отдали нечто,

Имеющее земляной дом и мховую подушку,

Нечто, невозможное поднять и узнать,

Отдали нечто, имеющее земляной дом»).

Затем добытого медведя вытаскивали веревками из берлоги и клали на слой кедровых веток, который называется *куьфа*. Кедровым веником били медведя по лапам, животу, груди, голове, что называлось *һоньчызын быъттаар* «выколачивать вшей из голенища унтов».

Потом на шкуре медведя, которая носит название чоорһан «теплое меховое одеяло», делали разрез ножом по шее, груди, животу и лапам, что называется не шыйнырлаар «резать чертящим», так как нож здесь называется не пишек, а *шыйныр* «чертящий». Обдирать шкуру медведя говорят не сойар, а *шыйбаштаар*. Шкуру снимали, оставляя на туше подошвы лап с когтями. Эту подошву с когтями сдирали и вешали на ветвях возле чума. Тушу разрубали топором, который здесь носил название *тоьһоргу туньчуу* «нос дятла». Само разрубание туши медведя топором называли *тоьһоргу туньчуқтаар* «долбить носом дятла».

Когда привозили мясо медведя в аал «аил», то все, кто был там, кричали: «Ки-ик! Ки-ик! Ки-ик!» Мясо заносили не в дверь, а сбоку, подняв крышку, в чум охотника, нашедшего берлогу. Варили сразу же ребра, грудину, сердце, печень медведя, называвшиеся общим словом *немчи*, которые обязательно съедались коллективно, всем аилом. Затем двое человек, разделявая тушу, разрубали мясо на более мелкие части, отделив вначале спинное сало, которое носит название дон «шуба». Сало тоже разрезали на части и потом делили мясо и сало поровну между всеми. Охотник, нашедший медвежью берлогу, получал кроме пая мяса и сала еще шкуру медведя.

Наступал момент варки медвежьей головы, что называлось *чуьтуқ учу қаастаар* букв. «украшать конец колоды». Сваренную голову также ели сообща, не нарушая целостности мозговой коробки, разрешалось только

ножом отделить нижнюю челюсть. Бульон выливали на землю в чуме, не давая собакам. Выливавший человек при этом произносил: «О-о, *мүдрий верди!*» «О-о, споткнулся!» Присутствовавшие не должны были смеяться.

Когда мясо головы было объедено, один из охотников брал нижнюю челюсть, нарочно приставлял ее к черепу обратной стороной и спрашивал у остальных: «Так было?» Ему отвечали: «Не так!». Тогда тот человек приставлял челюсть боком и опять спрашивал: «Так было?» Ему опять отвечали: «Не так, немного по-другому!» Он снова прикладывал челюсть, но на этот раз правильно, и спрашивал: «Так было?» Теперь ему отвечали: «Как будто бы так было, пусть так останется». После этого челюсть привязывали к черепу кедровыми корешками, а если их не было, то тряпочкой, разрисовывали все угольком из костра и затыкали глазницы и иные пустоты черепа кедровыми веточками с хвоей.

Когда разрисовывали углем, то приговаривали: «*Аба баабаң ошта*» — «Отец и мать твои ворожите». Затем откидывали крышку чума напротив входа и подавали в это отверстие череп медведя охотнику, специально вышедшему, чтобы принять его снаружи. Потом череп вешали на дерево, предпочтительно на молодой кедр. Считалось, что медведя с почестями похоронили. Фаланги пальцев медведя обычно пришивали на шубу детям, так как считалось, что они после этого не будут спотыкаться и падать. Отсюда и специальное название для фаланг пальцев медведя — *мүдүргүш* «спотыкашка».

Существовало также особое гадание на грудной кости медведя (она называлась не *дөш баһи*, а *һерээсэ* «крест»), которую собравшиеся охотники по очереди подбрасывали вверх, поднеся ее перед этим ко рту и пошептав: «*Аба баабаң қайда?*» — «Мать и отец твои где?». Бросали каждый по три раза до тех пор, пока конец этой кости не показывал все три раза одно и то же направление. Считалось, что в том направлении следует ехать и искать берлогу медведя.

У стариков сейчас сохранились лишь смутные воспоминания о существовавших прежде преданиях о медведе как сородиче, брате людей того или иного тофаларского рода. Но в 1890 г. Н. Ф. Катанову все же удалось записать два небольших фрагмента преданий о медведе — родственнике человека. Приведем эти отрывки полностью.

1. «Дедушка (медведь) был прежде человеком, имевшим младшего брата. Оба брата владели массами озер, происшедших от одного большого озера. Они (братья) рассорились. Младший брат стал Туба (Карагосы)

кости Чогду, а старший брат стал дедушкой (медведем) (по: Радлов, 1907: 650, текст № 186).

2. «Место, где нашлись и откуда вышли карагосы кости Чогду, было у р. Өбүге, находящейся возле казарм (бывшего Удинского Форпоста). Было там три брата. Один из братьев сделался Карагосом кости Кара Чогду, другой — кости Чогду и третий — дедушкой (медведем). Живя так, дедушка плел сеть. Осердившись, (дедушка) бросил свою сеть на дерево. Потом ставши зверем и ушедши, он расстался. Затем те братья стали жить. Теперь одни из них (потомства) — Чогду, а другие — Кара Чогду» (там же: 651, текст № 188).

В настоящее время описанные выше ритуалы на медвежьей охоте тофаларами не соблюдаются, хотя все описательные названия сохранились. Пожалуй, единственное, что бытует и по сей день, это обычай отрезать подошву лап медведя с когтями и прибивать такую лапу к стене дома возле входа. Нам приходилось не раз видеть их в избах тофаларов.

Обращение к соответствующей этнографической литературе показывает, что обряды и ритуалы, связанные с добычей медведя на берлоге и аналогичные тофаларским, отмечаются исследователями у многих народов Сибири. Так, например, у эвенков тоже употребляется масса подставных названий для медведя и частей его тела (Василевич, 1971: 159–160). Так же, как и тофалары, эвенки кричали после добычи медведя по вороньи: «Ки-ик! Ки-ик! Ки-ик!», также хоронили череп медведя (там же: 160–162).

Много общих моментов находим и в культе медведя у кетов (Алексеев, 1960). Интересно, что в медвежьем культе у тофаларов особое место отводится кедру. Здесь и разделка туши на подстилке из кедровых веток, обтряхивание туши кедровым веником, перевязывание черепа медведя кедровыми корешками, затыкание пустот черепа кедровой хвоей и захоронение черепа на кедре. К тому же бубен и колотушка шамана также делались из кедра. По свидетельству Е. А. Алексеев, кедр у кетов пользовался особым почитанием. С культом кедра связаны у них и некоторые традиции медвежьего праздника, бубен и колотушка шамана также делались из кедра (там же: 98). Здесь заманчиво видеть не просто случайные совпадения, а некоторые связи тофаларов с кетами в области культовых представлений.

Б.А.Васильев, специально занимавшийся изучением медвежьего праздника у сибирских народов, выделяет два его пласта, различных по времени возникновения (Васильев, 1948). Первый, наиболее древний, он

называет евразийско-американским. Для него характерны словесные запреты, подставные речи, обряды с тушей медведя в тайге, ритуальная варка и поедание медвежьего мяса, сохранение в целостности всех костей скелета и черепа медведя и их ритуальное захоронение, идея возрождения убитых медведей и основной сюжет медвежьего мифа, согласно которому медведь является сородичем. Второй пласт, более поздний, характеризуется содержанием медведя в клетке, его жертвоприношением и захоронением, сопровождающимся многодневным праздником. Этот пласт Б.А.Васильев называет айнским. Его традиции проникли в Приамурье с юга и распространились у береговых народов татарского пролива и Охотского моря.

Как видно, для тофаларского культа медведя характерны все черты евразийско-американского пласта, наиболее древнего, который наблюдается также у хантов, манси, кетов, эвенков, негидальцев и ряде других народов, обитающих на обширной территории Сибири. Это свидетельствует не только о широком распространении охотничьей культуры, но и о возможных древних этнических и культурных связях этих народов в прошлом.

Список литературы:

- Алексеев, Е. А. (1960) Культ медведя у кетов // Советская этнография. № 4. С. 90–104.
- Василевич, Г. М. (1971) О культе медведя у эвенков // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX века (Сборник Музея антропологии и этнографии, т. XXVII). С. 150–169.
- Васильев, Б. А. (1948) Медвежий праздник // Советская этнография. № 4. С. 78–102.
- Дыренкова, Н. П. (1963) Тофаларский язык // Тюркологические исследования. М.-Л. С. 5–23.
- Радлов, В. В. (1907) Образцы народной литературы тюркских племен. Часть IX. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым. Перевод. СПб.
- Рассадин, В. И. (1971) Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ.
- Щербак, А. М. (1961) Названия домашних и диких животных в тюркских языках. Историческое развитие лексики тюркских языков. М.

Дата поступления: 12.06.2013 г.

ABOUT THE CULT OF BEAR AMONG TOFALARS

V. I. Rassadin

Abstract: Article analyzes the details in naming the bear in Tofa language and draws parallels with other languages of indigenous people of the North. It comes to the conclusion of an ancient cult of bear in the culture of Tofalars.

Keywords: Tofalars, Tofa language, bear, cult of bear, hunting traditions.